

Сотрудники археографической лаборатории, 1982 г.

Сотрудники археографической лаборатории, 2003 г.

Scientia
narrata

DOI 10.15826/qr.2015.2.093
УДК 930(470.5)+316.7(470.5)

Рудольф Пихоя

**УРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА**

Rudolf Pikhoya

**THE URAL ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION
AND THE STUDY OF URAL SPIRITUAL
CULTURE HISTORY**

The material presented in the article of the head research fellow of the Institute of History (Russian Academy of Sciences) R. G. Pikhoya does not comply with the traditional academic genres. We can define it as a *memoratum*, i. e. an account of events based on the writer's personal memories accompanied by reflection as is typical of national intellectual culture. Science can be unpredictable in the course of its evolution that depends on a number of arbitrary reasons, colliding destinies, people's characters, their perseverance, assertiveness or a search for a compromise. Everyone involved in the process has a clear idea of the role of human participation, meaning of an unexpected meeting, importance of an expressed idea or concealed resistance. It is extremely difficult to reveal such factors and that is why contemporary scholars rarely deal with it or turn it into a pursuit of the unattainable. This explains why R. G. Pikhoya's written story can be interesting: it draws a consecutive range of regularities and oddities of the establishment of archaeography as a branch of science in the Ural State University, complexities of relationships in the academic community, psychology and behaviour of academic administration and the community of specialists as a basis for the development of the humanities in the last third of the 20th century. The author remembers his associates and explains the meaning of the archaeological search for the development of various historical and culture studies in the Ural University. In his memoirs, he describes a unique phenomenon when support and enthusiasm from the research centres of Moscow, Novosibirsk and Saint Petersburg helped create a research sphere that resulted in a large multifold variety of research achievements. It is equally interesting to learn about the process of new specialists' training: the effort made by the Ural University some time ago demonstrates how significant the result was in terms of the University's authority and Russian academia as a whole. In this respect, we can characterize the memoirs as didactical as they illustrate the hindrances accompanying the development of new branches of science in a situation where one

is confronted by the incompetence in the treatment of the academia in the higher educational establishments of present-day Russia. The memoirs also reflect the aspects that lead to a renewed interest in the scholarly study of religious culture and history. Sincere and emotional, the notes enable the reader to revive and relive the events of the late 20th century and reflect on the troubled ways of the humanities.

Keywords: archaeography; Ural State University; Moscow State University; study of Old Belief; archaeological expedition.

Материал, представленный в статье ведущего научного сотрудника Института истории РАН Р. Г. Пихои не вписывается в систему традиционных научных жанров. Его можно назвать научным меморатом, то есть рассказом, основанным на личных воспоминаниях «как это было», сопровождаемых, как и положено в национальной интеллектуальной культуре, «думами». Наука имеет векторы определенной непредсказуемости в своем становлении, зависящие от множества случайных причин, перекрещивания судеб, человеческих характеров, настойчивости, напористости или поиска компромисса и системы уступок. Все, кто вовлечен в этот процесс, хорошо представляют значение человеческого вмешательства, случайной встречи, высказанной идеи и тайного сопротивления. Раскрыть эти моменты – задача сложная, зачастую невыполнимая современниками и впоследствии превращающаяся в ловлю теней. Это объясняет безусловный интерес к записанному рассказу Р. Г. Пихои, где выстраиваются в один ряд закономерности и казусы процесса формирования археографии как научного направления в Уральском государственном университете, сложные взаимоотношения в университетской среде, психология и поведение чиновников в сфере науки и содружество специалистов как основа развития гуманитаристики в последней трети XX в. Автор вспоминает своих соратников, определяет значение археографического поиска для развития различных исторических и культурологических направлений в Уральском университете. В его воспоминаниях показан уникальный феномен: как в результате энтузиазма и поддержки научными центрами Москвы, Новосибирска, Петербурга за несколько лет выросло научное направление, результатом которого стал большой многообразный блок научных изысканий. Не менее интересно представлен процесс подготовки специалистов: усилия, которые предпринял Уральский университет в свое время, демонстрируют, насколько велика в итоге оказалась отдача для авторитета вуза и в целом российской науки. В этом плане воспоминания обладают своего рода дидактикой, раскрывающей сложность созидания научного направления, особенно на фоне проявлений некомпетентного отношения к научным кадрам в современной высшей школе России. В воспоминаниях раскрыты интересные аспекты возвращения в круг исследований проблем религиозной культуры и истории. Написанные искренне и эмоционально заметки дают возможность оживить и вновь пережить события конца XX в. и поразмышлять над непростыми дорогами гуманитарной науки.

Ключевые слова: археография, Уральский государственный университет, Московский государственный университет, изучение старообрядчества, археографическая экспедиция.

В своих заметках я хочу остановиться на некоторых, по преимуществу научно-организационных вопросах появления полевых археографических исследований, истории создания лаборатории археографических исследований (ЛАИ), ставшей инициатором появления программы системного изучения духовной культуры Урала, и организации исследовательского центра – Института русской культуры в Уральском университете. Эти заметки не официальная история, в основании лежат воспоминания и оценки с позиций сегодняшнего дня, но какими бы отрывочными и не всегда точными они ни были, память отбирает самое существенное и преимущественно – в человеческих взаимоотношениях. Кроме того, опыт профессионального историка свидетельствует, что за пределами традиционных источников чаще всего оказываются мотивы, отношения, человеческие симпатии и антипатии – словом, то, что предшествует появлению приказов, отчетов и проч.

Мне пришлось организовывать археографическую экспедицию, археографическую лабораторию на историческом факультете Уральского университета, а позже – уже в качестве проректора университета – Институт русской культуры. И рассказ о том, как и почему приходилось принимать в 70–80-е гг. конкретные решения, подобно осколку зеркала отражает состояние гуманитарной науки последней четверти XX в. в Советском Союзе. Заранее оговариваю возможность неточностей в отдельных деталях, так как весь рассказ ориентирован на устные источники, воспоминания – мои и частично моих коллег по экспедициям.

К началу 70-х гг. XX в. в Уральском университете существовали несколько направлений и школ, изучавших историю культуры Урала. Большая часть специалистов этого направления находилась на филологическом факультете, что не случайно. Имена уральских писателей Д. Н. Мамина-Сибиряка и Павла Бажова были хорошо известны в истории русской и советской литературы. Это направление, бесспорно важное для университета, получило развитие в работах профессоров М. А. Батина, И. А. Дергачева и их учеников [Батин, 1953; Батин, 1956; Дергачев, 1973; Дергачев, 1977]. На факультете работал выдающийся историк древнерусской литературы В. В. Кусков, среди учеников которого хочу отметить Е. И. Дергачеву-Скоп¹. Ими были предприняты первые археографические экспедиции в 60-х гг. в Свердловской области, которые, судя по экспедиционным дневникам, привели к заключению о бесперспективности их продолжения на Среднем Урале. К середине 70-х гг., когда вновь встал вопрос об археографических исследованиях, В. В. Кусков уже давно работал в Московском университете, а Е. И. Дергачева-Скоп – в Новосибирском, продолжая там археографические исследования Сибири.

¹ Ее небольшая книга [Дергачева-Скоп] содержала интереснейшие и очень плодотворные идеи для понимания процесса формирования урало-сибирского летописания.

На филологическом факультете действовала кафедра истории искусства под руководством Б. В. Павловского. Именно он оказался у начала изучения истории искусства Урала XVIII–XIX вв., уделив особое внимание тем его направлениям, которые специфичны прежде всего для края горнозаводской промышленности [Павловский, 1953; Павловский, 1975; Павловский, 1979; Павловский, 1982].

Большие традиции имело изучение уральского фольклора, связанное с экспедиционными исследованиями, выросшими из учебных фольклорных практик. Они были начаты доцентом М. Г. Китайником еще в 1944 г. и продолжены В. П. Кругляшовой, которая на протяжении многих лет (до 1991 г.) руководила полевыми фольклорными исследованиями, создала фольклорный архив, систематически занималась публикацией полевых материалов [Уральский фольклор; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка; Кругляшова; Блажес].

Отдельным самостоятельным и мощным научным направлением стало изучение финно-угорской и северорусской диалектной лексики, топонимики и ономастики Урала [Словарь говоров Русского Севера; Матвеев], проводимое под руководством А. К. Матвеева. Оно сочетало в себе проведение ежегодных экспедиционных исследований, создание огромной словарной картотеки и большой объем научных публикаций. К концу 70-х гг. лаборатория топонимики была единственным гуманитарным подразделением УрГУ, имевшим официальный статус проблемной лаборатории.

В отличие от филологического факультета, на истфаке УрГУ вопросы истории и культуры Урала практически не изучались, за исключением исследований по истории культурной революции на Урале, проводимых на общеуниверситетской кафедре истории КПСС, которыми руководили В. Г. Чуфаров и М. Е. Главацкий [Чуфаров; Главацкий; Кондрашова]. Превосходно организованная археологическая экспедиция, руководимая В. Ф. Генингом, специализировалась по преимуществу на археологии Урала и Западной Сибири эпохи бронзы и железа. Среди историков, изучавших отечественную историю, абсолютно преобладали исследователи социально-экономических процессов развития Урала XVIII–XX вв. По словам моего учителя М. Я. Сюзюмова, сказанным в 1974 г. накануне моей защиты, последняя диссертация по истории России старше XVIII в. была защищена в УрГУ в 1942 г. А. А. Введенским – по истории хозяйства Строгановых [Перевалов]. Студенты-историки, специализировавшиеся по отечественной истории, практически не изучали палеографию, спецкурс по археографии читался формально и не был связан с реальной подготовкой публикаций. К сожалению, отсутствовали какие-либо межкафедретские связи между истфаком и филфаком.

...В апреле 1974 г. я, тогда старший преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода, оказался в Москве – чтобы передать рукопись своей диссертации по истории покаянной дисциплины русской церкви домонгольского периода моим оппонентам А. Г. Кузьмину

и А. И. Рогову. Диссертация далась очень трудно. Тема, предложенная М. Я. Сюзюмовым, предполагала исследование византийского влияния на право Древней Руси. В процессе подготовки пришлось ограничиться исследованием древнерусских епитимийников.

На этом пути я столкнулся как минимум с двумя проблемами. Первая – это почти полное отсутствие историографии по теме². Но гораздо труднее оказалось другое – отсутствие специальной подготовки в области палеографии и текстологии, курсы которых не преподавались в университете на тот момент. До поступления в аспирантуру я и рукописи в руках не держал. Да и где! В Свердловске единственное собрание находилось в фондах ГАСО (собрание рукописей УОЛЕ) и отдельные экземпляры хранились в областном музее, но они были малодоступны, и их архивное описание было неквалифицированным. Пришлось сидеть вместе со студентами истфака МГУ на практических занятиях по палеографии в рукописном отделе ГИМа, и штудировать исследования по древнерусской литературе, славянской филологии. Но едва ли не главной школой для меня стали рукописные отделы БАНа и Библиотеки им. Ленина.

Начав преподавать в УрГУ, я стал читать спецкурс по культуре Древней Руси для студентов-третьекурсников, ездил с ними на экскурсии в Верхотурье и в Тобольск, пытаюсь хотя бы отчасти восполнить пробелы в учебной программе.

Возвратимся к апрелю 1974 г.

Меня разыскали в Москве и передали, что со мной хочет встретиться профессор В. Я. Кривоногов, руководивший историко-архивным отделением нашего истфака. Встреча была назначена в гостинице «Россия». В. Я. Кривоногов попросил меня найти в научной библиотеке МГУ Ирину Васильевну Поздееву и договориться, когда она сможет прочитать курс для студентов, желающих поехать в археографическую экспедицию. В. Я. Кривоногов осенью 1973 г. был на выездном заседании Археографической комиссии в Пермском университете, где И. В. Поздеева сделала доклад об итогах археографических исследований в Пермской области. Доклад и находки московских археографов произвели большое впечатление на В. Я. Кривоногова и на проректора по учебной работе УрГУ Б. А. Сутырина, заведовавшего кафедрой истории СССР. В Свердловске было организовано Уральское отделение Археографической комиссии во главе с В. Я. Кривоноговым, а Б. А. Сутырин возглавил его Свердловское отделение. Там же была достигнута предварительная договоренность о совместной работе Уральского университета и МГУ в Свердловской области.

² Едва ли не единственным исследователем этой проблемы до революции был ученик Е. Е. Голубинского С. И. Смирнов, профессор Московской духовной академии, автор книг «Духовный отец древней восточной церкви (История духовничества на Востоке). Ч. 1. Период Вселенских соборов» (Сергиев Посад, 1906), «Древнерусский духовник» (М., 1913), «Материалы для истории покаянной дисциплины» (М., 1912). В советское время можно отметить лишь издание по инициативе академика М. Н. Тихомирова Закона судного людем – одного из важнейших памятников покаянного права, основанного на византийской Эклоге.

Восторженный рассказ В. Я. Кривоногова я слышал, но никакого особого желания самому участвовать в археографических экспедициях не было. Мне было интересно заниматься Древней Русью. Конечно, во время долгого сидения в рукописных отделах БАН, Ленинки, Пушкинского Дома я слышал об экспедициях, да и знал некоторых участников. Но знакомство с рукописным собранием Пушкинского Дома убедило меня, что в собраниях, сформированных в результате полевых исследований в 50–60-е гг. XX в. преобладают поздние, а следовательно, неинтересные для меня рукописи XVII–XIX вв. Пожалуй, единственное, что вызывало некоторый интерес, это возможность получить десяток рукописей, чтобы сделать занятия по палеографии более живыми, чтобы студенты хоть увидели, что такое водяные знаки и как по ним можно датировать рукописи. История Урала меня совершенно не интересовала.

Предполагалось, что руководить будущей археографической экспедицией будет кандидат исторических наук А. В. Черноухов, специализировавшийся на истории Урала XVIII в. и работавший на историко-архивном отделении.

Просьба встретиться с И. В. Поздеевой была неожиданной, но отказаться я не мог. Эта встреча состоялась в маленькой комнатке научной библиотеки МГУ. Ирина Васильевна сказала, что необходимым условием проведения экспедиции должен стать учебный курс «Круг чтения людей Древней Руси». Со своей стороны я настаивал, чтобы находки первого года экспедиции остались в Свердловске, в университете.

В мае 1974 г. И. В. Поздеева приехала в Свердловск и начала читать курс, когда-то разработанный А. И. Роговым для археографов³ (не только замечательным ученым, но и глубоко православным человеком) и включавший в себя изложение церковного календаря и книжного сопровождения дневного, недельного и годичного циклов богослужения. Сейчас трудно даже представить, насколько неожиданно звучали в стенах истфака слова «Евангелие», «Апостол», «Часослов», «Псалтырь»... Я сам был прилежным слушателем вместе со студентами. Этот курс слушали лаборант кафедры новейшей истории Н. В. Лерник, ставшая затем заместителем начальника свердловской части экспедиции, студенты-третьекурсники, занимавшиеся на моем семинаре по древнерусской культуре: О. А. Лысова (Мельчакова), Н. А. Литвинова (Мудрова), Н. П. Парфентьев, И. Горожанкин.

А. В. Черноухов привел на занятия трех студентов-первокурсников архивного отделения – Л. Дашкевич, Е. Пирогову, П. Сасина. На этом участие А. В. Черноухова в подготовке будущей экспедиции закончилось, я нечаянно оказался крайним...

В июле 1974 г. началась первая совместная экспедиция УрГУ и МГУ. Уральская часть отряда выехала в Невьянск. Нам предстояло работать там до Петрова дня, потом должен был прибыть московский отряд, работавший в Пермской области. Дух экспедиции родился, по существу,

³ А. И. Рогов вместе с Я. Н. Шаповым и В. Б. Кобриным были инициаторами археографических экспедиций рукописного отделения ГБЛ.

в часовне невьянских староверов беспоповского согласия. Глубокая религиозность, непосредственная причастность каждого из молящихся к служению Богу, древние и писанные по древним образцам иконы, одежда из XVII–XVIII вв. – женские косоклинные с серебряными позументами и платки, заколотые «под иголочку», кафтаны-однорядки на мужчинах, старинные, но знакомые всем молящимся напевы службы – все это превращало часовню в удивительную «машину времени». Наш искренний интерес к истории, образу жизни староверов, уважение к их религиозным убеждениям стали залогом успешной работы по поиску и приобретению первых рукописных и старопечатных книг. Мы общались с людьми, которые в обычной жизни были рабочими, мастерами на заводе, бухгалтерами, но происходили из династий, появившихся здесь, в Невьянске, как минимум 250 лет назад.

Прибытие московского отряда во главе с И. В. Поздеевой означало возможность узнать и приобщиться к опыту работы московских археографов. И. В. Поздеева, по первой специализации археолог, привнесла в организацию археографической экспедиции своего рода «индустриальную составляющую», свойственную хорошим археологическим экспедициям. Вездеходный транспорт, обеспечивавший мобильность и безопасность, тщательно продуманный экспедиционный быт с вечерними отчетами, экспедиционными дневниками, запасом продовольствия, необходимого в полуголодных условиях провинциальной России, и многое другое, что позволяло эффективно работать. И. В. Поздеева в полной мере разделяла подход, впервые сформулированный основателем советской археографии В. И. Малышевым о том, что рукописная традиция – лишь часть, хотя и важная, местной культуры. Уже в первые часы нахождения в невьянской часовне она обратила внимание на своеобразие местной иконописи и узнала имена местных иконописцев Романова, Богатырева⁴.

И. В. Поздеева рассказала о только что вышедшей монографии Н. Н. Покровского [Покровский]. О его непростой судьбе, драматической защите докторской диссертации и экспедициях за книгами в Сибири мне раньше рассказывала в рукописном отделе БАН О. П. Лихачева. Книга же Н. Н. Покровского была замечательна в частности тем, что вводила историю уральского раскола в контекст социальной истории Урала. Архивные источники, на которых она основывалась, дополнялись на наших глазах живой устной традицией уральских староверов. Не вызывало сомнений, что будут найдены сочинения самих староверов об их истории в XVIII–XIX вв.

Из Невьянска уже объединенный отряд перебрался в Шалинский район Свердловской области, где к нам присоединился В. А. Липатов, филолог, когда-то работавший в экспедиции с Е. И. Дергачевой-Скоп⁵.

⁴ Считаю очень важным отметить: сама постановка проблемы невьянской иконописи принадлежит именно И. В. Поздеевой.

⁵ К сожалению, на следующий год В. Липатов отбыл в долгую зарубежную командировку и уже не смог продолжить экспедиционную работу.

Первый экспедиционный год закончился появлением на истфаке небольшой коллекции рукописных и старопечатных книг, это заметно оживило интерес студентов к изучению книжно-рукописной традиции, древнерусского певческого искусства, истории старообрядчества, да и история Урала XVIII в. оказывалась намного интереснее, чем представлялось по привычному курсу, читавшемуся на факультете. Возникла задача по описанию полученных рукописных и старопечатных книг, введению их в научный оборот, то есть появились условия для организации постоянной работы – и это было основой будущей лаборатории. Отмечу особо: *книжно-рукописное собрание Уральского университета создавалось на пустом месте. У нас не было рукописей в научной библиотеке, как в Московском университете, сюда не поступало пожертвований вроде ценнейшего собрания академика М. Н. Тихомирова, оказавшегося в Государственной публичной научно-технической библиотеке (Новосибирск). О существовании рукописей, полученных филологами в 60-е гг. и хранившихся на филфаке, я узнал, кажется, только в году 1977–1978-м.*

Работа в составе объединенной экспедиции была, без сомнения, полезной. Но не обошлось и без проблем. Между московскими и свердловскими студентами отношения складывались непросто. Дело было вполне обыкновенным – своего рода «дедовщина» старших и более опытных студентов-москвичей по отношению к новичкам-свердловчанам. Дело кончилось тем, что студенты-старшекурсники заявили мне, что впредь с москвичами работать не будут. Кроме этого, было ясно, что московская экспедиция откажется в дальнейшем оставлять находки в Свердловске. В МГУ, например, поступали все книги (их было немало), полученные в Пермской области, под предлогом отсутствия специалистов по их описанию в Перми. Почему Свердловск в таком случае мог стать исключением? Если Уральский университет хочет впредь пополнять свое собрание, то надо работать самостоятельно и, главное, подготовить специалистов различного профиля.

Для создания самостоятельной экспедиции требовалось выполнить несколько условий.

Первое – деньги. На суточные пятьдесят копеек на участника экспедиции, как полагалось по расценкам Минвуза, нормально работать не удастся. Кроме этого, требовался автотранспорт, горючее, спальные мешки, палатки... Надеяться на то, что университет выделит на это средства на второй (а если точнее, то на первый) год самостоятельной экспедиции, не приходилось.

Выход нашелся неожиданно. В Верхотурье создавался краеведческий музей, и художники, взявшиеся за это дело, вскоре поняли, что без историков им не обойтись. Поскольку я часто бывал в этом старейшем городе области, то обратились ко мне. Был заключен договор, который позволил не только два года финансировать экспедицию, но и содержать сотрудников археографической лаборатории, которая фактически была создана в 1975 г. Взамен мы должны были

написать историю Верхотурья, разработать музейно-экспозиционный план и по возможности собрать этнографический материал⁶.

Вторая проблема – обучение участников экспедиции – была решена наилучшим образом. Узнав о наших проблемах, А. И. Рогов предложил прочитать лекции о круге чтения.

Но появилась и третья проблема. После моего отказа от совместной работы с археографами МГУ весной 1975 г. в ректорат Уральского университета поступило письмо заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР И. Д. Ковальченко. В этом письме был выражен решительный протест против того, чтобы Уральский университет самостоятельно вел полевые археографические исследования. И. Д. Ковальченко был еще и заведующим кафедрой истфака МГУ, на которой работала И. В. Поздеева. Я – старший преподаватель, диссертация в ВАКе и еще не утверждена, а тут – один из руководителей исторической науки...

Пошел объясняться в ректорат, к проректору по науке, будущему академику А. Т. Мокроносову. Разговор получился короткий:

– Вас финансирует Московский университет?

– Нет, – отвечал я.

Тогда он порвал письмо и велел заниматься подготовкой к экспедиции⁷.

Экспедиции как 1975 г., так и 1976-го были очень важны – они заложили основы организации полевых археографических исследований в Уральском университете.

Число участников экспедиций быстро росло. В экспедиции 1974 г. участвовало 10 свердловчан, в 1975 г. – 23, в 1976-м – 36, в 1977-м – 44 человека, что сразу же делало ее самой крупной в стране. Требовалось тщательно спланировать будущие маршруты экспедиционных отрядов (как правило, двух-трех); необходимо было подготовить началь-

Экспедиция 1975 г. Сылва. На могиле старообрядческого старца о. Ефрема

⁶ Исторический очерк писали Б. Б. Овчинникова, В. А. Оборин, Г. В. Яровой, Л. А. Ольховая, Р. Г. Пихоя. Музей был открыт в конце 1976 г. Художники, создавшие музей, – А. Россошанский, А. Гриненко.

⁷ Много позже, уже в конце 1991 г., об этом письме мне напомнил сам Иван Дмитриевич Ковальченко (тогда академик-секретарь Отделения истории), рассказал об обстоятельствах его появления и извинился.

ников небольших экспедиционных групп из двух-трех человек, где старшим был участник, имевший два-три года экспедиционного опыта; закладывались традиции экспедиционного быта, которые спланируют людей. Экспедиция держалась на О. А. Мельчаковой, Н. П. Парфентьеве, Н. А. Мудровой, В. И. Байдине, А. Г. Мосине, Л. Бруцкой, А. Т. Шашкове, А. А. Гриненко, Е. П. Пироговой... Этот список можно было бы с легкостью продолжить. За каждым были несколько экспедиционных сезонов, организационный опыт и ответственность, научная проблематика и увлеченность.

Рос фонд рукописных и старопечатных книг, а вместе с этим росло понимание, что культурная традиция старообрядчества – это отнюдь не традиционная культура крестьянства. В условиях Урала книжно-рукописная традиция лучше сохранялась на заводах – Невьянском, Нижне-Тагильском, Нижне-Иргинском, Черноисточинском, Висимском, в селах, прежде приписанных к заводам. Исследования в окрестностях Верхотурья доказали, что в православной среде не только не сохраняется книжная культура прошлого, но и обычные исторические предания встречаются намного реже. Старообрядчество же оказалось чрезвычайно пластичным: сохраняя верность религиозным традициям, восходящим к XVII в., оно прекрасно приспособлялось к изменяющимся экономическим условиям. Это отличало наши подходы к изучению старообрядчества от тех, которые развивались в МГУ, Пушкинском Доме, в СО АН СССР, где старообрядчество было связано с культурой крестьянства.

Мне пришлось изменить предмет своих ученых занятий – не без сожаления переключиться с Древней Руси на историю Урала. Надо было руководить дипломными работами по проблематике лаборатории, формулировать темы для научных исследований выпускникам, а для этого требовалось заниматься изучением истории Урала XVII–XVIII вв.

Книжно-рукописная традиция Урала все больше вписывалась в контекст общекультурных процессов, происходивших в России. Это, в свою очередь, требовало применения новых подходов к исследованию книг гражданской печати и светской рукописной традиции XVIII в. К этому времени уже были выявлены библиотека Нижнетагильского выйского училища, восходящая к личной библиотеке Н. А. Демидова, рукописные тексты литературных переводных сочинений эпохи Просвещения. В университете археографам читали лекции специалисты из Москвы и Ленинграда: Ю. К. Бегунов, А. Х. Горфункель, И. Ф. Мартынов. При том что это были разные люди, несомненно был их профессиональный опыт и знание книжного репертуара XVIII в. [Бельчиков, Бегунов, Рождественский; Описание Рукописного отдела].

В конце 1976 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по полевой археографии. К этому времени, всего за три года, в хранилище археографической лаборатории УрГУ было собрано около 500 рукописных и старопечатных книг. Благодаря поддержке ректората на конференцию с докладами прибыла целая делегация:

вместе со мной были Н. П. Парфеньев, В. И. Байдин, О. А. Мельчакова, Н. А. Мудрова, Е. П. Пирогова. В сущности, именно на этой конференции произошла научная «легитимация» полевой археографии в Уральском университете, что было тем более важно после конфликта с МГУ. Там я познакомился с Н. Н. Покровским. Он попросил взять на работу двух его учеников – А. Т. Шашкова и Л. Куандыкова⁸.

Я, в свою очередь, попросил его о возможности начать наши полевые исследования в Тюменской и Курганской областях.

Анатолий Тимофеевич Шашков был принят в штат лаборатории, и вместе с ним пришло серьезное исследование истории зарождения и распространения старообрядчества в Сибири XVII в. С начала 1977 г. с лабораторией сотрудничает прекрасный филолог, представительница новосибирской школы археографии Л. С. Соболева. С 1977 г. часто читал лекции свердловским археографам, оказывал неоценимую помощь в научных исследованиях Николай Николаевич Покровский.

С этого времени стала практиковаться стажировка участников экспедиции в МГУ, в Историко-архивном институте, в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Бесценной была помощь профессора А. И. Комиссаренко, в кружке которого занимались наши студенты, в практике были постоянные научные консультации С. О. Шмидта, А. И. Рогова, А. А. Амосова, Н. Н. Покровского, Л. Х. Горфункеля.

Осуществить задачу вхождения в систему археографической специализации было бы невозможно без поддержки ректоров Историко-архивного института С. И. Мурашова, Н. П. Красавченко, декана истфака МГУ Ю. С. Кукушкина. Всем им – моя искренняя благодарность.

Я глубоко убежден: без широких научных контактов, без стремления понять логику других научных школ и направлений не может сформироваться сколько-нибудь жизнеспособное направление в науке.

Нужно сказать, что фактически с 1976–1977 гг. сложилась своеобразная, чрезвычайно продуктивная, да и удивительно человечески комфортная обстановка в лаборатории и экспедиции, объединявшая примерно сорок – пятьдесят человек в Свердловске, друзей и партнеров в Ленинграде, Новосибирске, Москве, Перми, Шадринске, Кирове, Челябинске, Ярославле, Сыктывкаре. Тогда в университетах много говорили о «физтеховском принципе» обучения: студенты-старшекурсники, дипломники руководили научными исследованиями младшекурсников, дипломников консультировали аспиранты, а тех, в свою очередь, доценты и профессора. Так и было в археографической лаборатории УрГУ, с той лишь разницей, что на верхних ступенях этой образовательной лестницы вначале шли наши коллеги из других научных центров. Я глубоко признателен Н. Н. Покровскому за консультации в подготовке моей докторской, он же руководил кандидатской работой А. Т. Шашкова. Кандидатской диссертацией по древнерусской музыкальной культуре в уральской

⁸ Л. Куандыкову была выделена ставка в штате лаборатории, но переезд в Свердловск не состоялся.

традиции Н. П. Парфентьева руководил А.И. Рогов из института славяноведения АН СССР, диссертацией Н. А. Кривовой по социальному протесту горнозаводского населения XVIII в. – А. С. Орлов (МГУ), а позже началось и самовоспроизводство: научными руководителями и консультантами диссертаций стали Н. П. Парфентьев, Е. М. Главацкая, В. И. Байдин, А. Т. Шашков, П. И. Мангилев, Л. А. Дашкевич, И. В. Починская и др.

Дальнейшее развитие археографических исследований в Свердловске было невозможно без организации сколько-нибудь регулярных научных публикаций. Публиковаться в университете было практически невозможно. Сборники были тематическими, а проблематика исследований лаборатории с ними не совпадала. Публиковать «на стороне» было можно, но лаборатория нуждалась в постоянном издании, дававшем возможность публиковаться всем сотрудникам экспедиции. В плановом хозяйстве СССР это было не просто. Чтобы организовать издание серийного сборника объемом в 10 печатных листов, требовалось, кроме письма из университета, заручиться поддержкой идеологического отдела обкома КПСС, получить решение Роскомиздата (кажется, так называлось учреждение на Петровском бульваре в здании бывшего и будущего Высоко-Петровского монастыря в Москве). Когда получили разрешение, появился первый научный сборник лаборатории – «Из истории духовной культуры дореволюционного Урала» (Свердловск, 1979), сборник долгожданный, с суперобложкой, оформленной свердловским книжным графиком В. Д. Сысковым. С обретением своего сборника, который выходил под разными названиями, появилась возможность нормальной организации научного процесса, завершаемого публикациями на каждом новом этапе.

Экспедиции 1977 г. пополнили фонд хранилища лаборатории редчайшими рукописными и старопечатными книгами. находка на Урале дофедоровского среднешрифтного Евангелия и московского Апостола 1564 г. стала поводом к появлению большой статьи в газете «Правда» о работах уральских археографов. И нам, археографам, и руководству университета – прежде всего ректору П. Е. Суетину – стало ясно, что требуется какая-то постоянная экспозиция для демонстрации книжных сокровищ прошлого. Ученый, специалист в области ядерной физики П. Е. Суетин прекрасно понимал, что в каждом приличном вузе найдутся более или менее удачные технические разработки, «железо», но такими книжными сокровищами, которые появились в Уральском университете, обладают редчайшие университеты в мире.

Было принято решение о создании Музея книги УрГУ. В разработке музейной экспозиции непосредственное участие приняли Свердловское отделение Союза художников и Б. В. Павловский. Мебель для музея делала Свердловская фабрика музыкальных инструментов. В 1980 г. Музей открыли [см. Кузнецова, Пихоя, Цыпина].

Он находился рядом с ректоратом и стал своего рода «визитной карточкой» УрГУ. Кого там только не было! Музей был включен в программу официальных делегаций, рассказ о посещении музея попал в мемуары А. А. Громыко...

Космонавт Г. М. Гречко в Музее книги, 1982 г.

Весной 1981 г. первый секретарь Свердловского обкома Б. Н. Ельцин посетил университет, готовясь к встрече со студентами города. Мне было поручено провести экскурсию. Ельцин оказался в музее после лекции по философии, которую просидел вместе со студентами, и явно устал. Он равнодушно посмотрел на Учительное Евангелие XV в., потом я показал ему анонимное дофедоровское среднешрифтовое Евангелие. Это неожиданно вызвало резкое возражение: «Как? Ведь Иван Федоров – первопечатник!»

Я начал рассказывать о дофедоровских изданиях, два из которых есть у нас, доказывать, говорить о печати «в один прогон», достал книгу из витрины – все было бесполезно. Ельцин не верил. Положение спасло то, что у меня случайно под рукой был альбом А. А. Сидорова по истории книгопечатания [Сидоров]. Я открыл разворот альбома и попросил сравнить со старопечатной книгой. И – Ельцин обрадовался! После этого все мои разъяснения о специфике культуры горнозаводского Урала воспринимались с живейшим интересом. Книжные сокровища, сохранившиеся на Урале, похоже, вызвали у него чувство гордости за то, что это все здесь, в его Свердловской области... Экскурсия закончилась его предложением любой помощи. Прибегнуть к ней мне не пришлось, но обещание первого секретаря дорогого строило!

В этом же году началась разработка комплексной программы изучения духовной культуры Урала, которая должна была объединить все направления этой проблематики, разрабатываемые историками и филологами. С 1982 г. эта программа была заявлена в Минвуз России и была утверждена до 1990 г. [Духовная культура Урала].

Вместе с археографами работали искусствоведы Т. А. Рунева, С. В. и Г. В. Голынец, успешно развивалось исследование древнерусских музыкальных традиций, лидерами этого направления были Н. П. Парфентьев и М. Г. Казанцева, даже существовал кружок археографов, которым руководил один из известнейших уральских староверов, знаток знаменного пения Ф. И. Аникин.

Постоянной проблемой для меня было обеспечить стабильность состава научных сотрудников лаборатории полевых археографических

исследований. Ее формальный статус – учебная лаборатория при кафедре истории СССР досоветского периода. По штатному расписанию сотрудники лаборатории – лаборанты (в лучшем случае – старший лаборант) с минимальной зарплатой. Это еще годилось для студентов, но для людей, которые уже имели или должны были получить ученую степень, да к тому же семейных, такое положение было недопустимым. Поэтому наиболее квалифицированные сотрудники переходили на работу на кафедры университета, в научные библиотеки города, переезжали в другие города. Научные связи сохранялись, но лаборатория оставалась без наиболее квалифицированных сотрудников. Положение можно было бы изменить, добившись ставок научных сотрудников. Но это было возможно лишь в случае получения лабораторией от Минвуза статуса проблемной. Этот статус получали, как правило, те коллективы физиков, химиков, технологов, которые успешно работали на оборонную проблематику. Гуманитарные проблемные лаборатории были чрезвычайно редки, особенно в провинциальных вузах.

Подготовку к получению этого статуса мы начали уже в конце 70-х гг. Были исписаны горы бумаг, писем, отчетов... Не единожды в год ездили в Москву, на улицу Щепкина, где находилось подразделение Минвуза РСФСР, отвечавшее за организацию науки. Наконец весной 1987 г. для открытия лаборатории были собраны все мыслимые и немыслимые документы: от научных отчетов, решений Президиума УрО АН СССР, рекомендаций академика Д. С. Лихачева, Археографической комиссии – до хвалебных публикаций в «Правде», «Известиях»...

И вот утром, снова оказавшись на улице Щепкина, я передал исчерпывающий пакет документов на открытие лаборатории Е. Н. Геворкян, которая непосредственно занималась этими вопросами. Получив папку с документами, она сказала:

- Это не поможет. Все это уже не нужно!
- Почему? Что случилось?
- А вы не знаете? Перестройка! Все поменялось!
- Ну, тогда я пойду туда, где ее делают.
- Куда?
- В ЦК КПСС.

Моя злость и явно опрометчивое заявление возымели неожиданное действие. Собеседники реально перепугались. Перепугался и я сам, поняв, что деваться мне некуда и я должен сегодня попасть в ЦК КПСС.

Поехал на Старую площадь. Я никогда в жизни не был и не собирался там быть. Не знал ни единого человека за этими стенами. Здание, которое охраняли сотрудники КГБ и специальных подразделений МВД, ничего, кроме опасений, у меня не вызывало⁹. Но деваться

⁹ Тогда невозможно было вообразить, что 23 августа 1991 г. мне (в то время руководителю Государственной архивной службы России), для того чтобы обеспечить сохранность документов ЦК, придется опечатать кабинеты в пустом здании ЦК КПСС, покинутом и охранниками, и сотрудниками, а днем позже перевести аппарат Росархива в цековское здание по ул. Ильинка.

было некуда. Я вошел в тот подъезд, который, как оказалось, предназначался для руководства ЦК. Несколько раз меня выпроваживали, но в конце концов подсказали, что можно позвонить по справочному телефону (попросив не говорить, кто посоветовал), и дали телефон человека из отдела науки, который имел отношение к проблеме. Тот назначил время встречи. Мне заказали пропуск, и через три часа я сидел в маленьком кабинете, где сотрудник ЦК внимательнейшим образом просмотрел все документы, выслушал мои объяснения и сказал, что позвонит мне вечером в гостиницу. Вечером он позвонил и сообщил, что вопрос решен положительно. Проблемную лабораторию утвердили. К стыду своему, я не помню фамилию этого человека. Но именно благодаря его поддержке в университете появилась наконец-то проблемная лаборатория!

В 1990 г. уже по моему представлению (я был тогда первым проректором университета) ректорат создал Институт русской культуры, первый и единственный в системе университетов страны.

К этому времени, в середине 80-х гг., в археографической лаборатории определилось несколько научных направлений. Среди них:

- исследование феномена горнозаводской культуры, специфики общественного сознания горнозаводского населения. Это было предметом моего докторского исследования, защищенного в 1987 г. К этому направлению примыкало исследование Н. А. Кривовой, В. И. Байдина;

- изучение древнерусской певческой культуры (Н. П. Парфентьев, М. Г. Казанцева, Н. В. Парфентьева);

- история книжной культуры Урала XVI–XVIII вв. (Н. А. Мудрова, Е. П. Пирогова, А. Г. Мосин, Е. В. Починская);

- история православия и старообрядчества на Урале и в Западной Сибири XVII–XIX вв. (А. Т. Шашков, П. И. Мангилев);

- традиции древнерусской литературы на Урале (Л. С. Соболева, В. И. Байдин);

- традиции изобразительного искусства и уральской школы иконописи (Е. В. Починская, Е. В. Ройзман);

- история межэтнических контактов на Северном Урале (Е. М. Главацкая).

Убежден, что перечислил далеко не всех.

Однако можно подвести некоторые итоги.

Есть крупнейшее собрание книг древнерусской традиции к востоку от Москвы до Новосибирска, насчитывающее около 6000 рукописных и старопечатных книг XV–XX вв.

Есть коллектив исследователей, сложившийся в ходе полевых исследований, радикально расширивший проблематику изучения истории Урала – от его заселения в XVI–XVII вв. и особенностей книжной культуры до истории горнозаводского дела, образования, православия и старообрядчества.

Список литературы

- Батин М. А.* Павел Бажов. М. : Современник, 1976. 262 с.
- Батин М. А.* Творчество П. П. Бажова. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1953. 282 с.
- Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 360 с.
- Блажес В. В.* П. П. Бажов и рабочий фольклор. Свердловск : УрГУ, 1982. 104 с.
- Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.). Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1974. 216 с.
- Дергачев И. А.* Книги и судьбы. Страницы литературной жизни Урала. Свердловск, 1973. 207 с.
- Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1977.
- Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири. Свердловск, 1965. 152 с.
- Духовная культура Урала. Программы исследований по гуманитарным наукам на 1983–1990 гг. Свердловск : УрГУ, 1983.
- Кругляшова В. П.* Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. 304 с.
- Кондрашова М. И.* КПСС – организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917–1927 гг. Иркутск, 1985. 151 с.
- Кузнецова К. П., Пихоя Р. Г., Цыпина Н. Е.* Путеводитель по Музею книги Уральского университета. Свердловск : УрГУ, 1983.
- Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. 100 с.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4. Вып. 2 : Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII – первая треть XIX в. / сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. 349 с.
- Павловский Б. В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. 131 с.
- Павловский Б. В.* Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. 152 с.
- Павловский Б. В.* Каслинский чугунный павильон. Свердловск, 1979. 97 с.
- Павловский Б. В.* Художественный металл Урала XVIII–XIX веков. М., 1982. 209 с.
- Первалов В. А.* Историк А. А. Введенский в Уральском университете // Известия УрГУ. 2000. № 16. С. 150–154.
- Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в ХУШ в. Новосибирск, 1974. 394 с.
- Сидоров А. А.* История оформления русской книги. М. : Книга, 1964. 391 с.
- Словарь говоров Русского Севера : 4 т. / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009.
- Уральский фольклор. Свердловск, 1949. 235 с.
- Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / сост. В. П. Кругляшова. Свердловск : УрГУ, 1967. 304 с.
- Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. 380 с.

References

- Batin, M. A. (1976). *Pavel Bazhov* [Pavel Bazhov]. 262 p. Moscow, Sovremennik.
- Batin, M. A. (1953). *Tvorchestvo P. P. Bazhova* [P. P. Bazhov's Creative Work]. 282 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Bel'chikov, N. F., Begunov, Yu. K. & Rozhdestvenskij, N. P. (1963). *Spravochnik-ukazatel' pechatny'h opisaniy slavyano-russkikh rukopisej* [A Reference Index Book of Printed Descriptions of Slavic-Russian Manuscripts]. 360 p. Moscow, Leningrad, AN SSSR.

Blazhes, V. V. (1982). *P. P. Bazhov i rabochij fol'klor* [P. P. Bazhov and the Folklore of Working People]. 104 p. Sverdlovsk, UrGU.

Chufarov, V. G. (1970). *Deyatelnost' partijnyh organizacij Urala po osushhestvleniyu kul'turnoj revoljucii (1920–1937 gg.)* [The Activity of Ural Party Organizations in the Realization of Cultural Revolution (1920–1937)]. 380 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Dergachev, I. A. (1973). *Knigi i sud'by'. Stranicy' literaturnoj zhizni Urala* [Books and Destinies. Pages of Ural Literary Life]. 207 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Dergachev, I. A. (1977). *D. N. Mamin-Sibiryak: Lichnost'. Tvorchestvo* [D. N. Mamin-Sibiryak: Life. Creative Work]. Sverdlovsk.

Dergacheva-Skop, E. I. (1965). *Iz istorii literatury' Urala i Sibiri* [From the History of Literature of the Urals and Siberia]. 152 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Duhovnaya kul'tura Urala. Programmy' issledovanij po gumanitarny'm naukam na 1983–1990 gg. [The Non-Material Culture of the Urals. Research Programmes of the Humanities for 1983–1990s]. (1983). Sverdlovsk, UrGU.

Glavaczkiy, M. E. (1974). *KPSS i formirovanie tehniczeskoj intelligencii na Urale (1926–1937 gg.)* [The CPSU and the Emergence of Technical Intelligentsia in the Urals (1926–1937)]. 216 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Kondrashova, M. I. (1985). *KPSS – organizator formirovaniya socialisticheskoy intelligencii na Urale v 1917–1927 gg.* [The CPSU as the Initiator of the Establishment of Socialist Intelligentsia in the Urals (1917–1927)]. 151 p. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.

Kruglyashova, V. P. (Comp.). (1967). *Fol'klor na rodine D. N. Mamina-Sibiryaka (v ural'skom gornozavodskom poselke Visim)* [Folklore in the Hometown of D. N. Mamin-Sibiryak (in Ural Mining Settlement Visim)]. 304 p. Sverdlovsk, UrGU.

Kruglyashova, V. P. (1974). *Zhanry' neskazochnoj prozy' ural'skogo gornozavodskogo fol'klora* [Non-Fairy Tale Prose Genres of Ural Mining Folklore]. 168 p. Sverdlovsk, UrGU.

Kuzneczova, K. P., Pihoya, R. G. & Cy'pina, N. E. (1983). *Putevoditel' po Muzeju knigi Ural'skogo universiteta* [A Guide for the Museum of Books of Ural University]. Sverdlovsk, UrGU.

Marty'nov, I. F. (Comp.). (1980). *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. T. 4. Vy'p. 2: Stihotvoreniya, romansy', poe'my' i dramaticheskie sochineniya, XVII – pervaya tret' XIX v.* [A Description of the Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 4. Issue 2: Poems, Love Songs, Works of Drama, 17th – 1st Third of the 19th Century]. 349 p. Leningrad, Nauka.

Matveev, A. K. (1986). *Metody' toponimicheskikh issledovanij* [Methods of Toponymic Research]. 100 (1) p. Sverdlovsk, UrGU.

Matveev, A. K. (Ed.). (2001–2009). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of Subdialects of the Russian North] (in 4 vols.). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Pavlovskij, B. V. (1975). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo promy'shennogo Urala* [Decorative and Applied Arts of the Industrial Urals]. 131 p. Moscow, Iskusstvo.

Pavlovskij, B. V. (1953). *Kamnerezhnoe iskusstvo Urala* [Stone Cutting Art of the Urals]. 152 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Pavlovskij, B. V. (1979). *Kaslinskij chugunny'j pavil'on* [Kasli Cast-Iron Pavillion]. 97 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Pavlovskij, B. V. (1982). *Hudozhestvenny'j metall Urala XVIII–XIX vekov* [Artistic Metal of the 18th – 19th Century Urals]. 209 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Prevalov, V. A. (2000). Istorik A. A. Vvedenskij v Ural'skom universitete [Historian A. A. Vvedensky in Ural University], *Izvestiya UrGU*, 16, pp. 150–154.

Pokrovskij, N. N. (1974). *Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'yan-starobryadcev v XVIII v.* [An Anti-Feudal Protest of Ural-Siberian Old Believer Peasants in the 18th Century]. 394 p. Novosibirsk, Nauka.

Sidorov, A. A. (1964). *Istoriya oformleniya russkoj knigi* [A History of Russian Book Design]. 391 p. Moscow, Kniga.

Ural'skij fol'klor [Ural Folklore]. (1949). 235 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

The article was submitted on 11.05.2015

Рудольф Германович Пихоя,
профессор, ведущий научный
сотрудник Института
российской истории Российской
академии наук,
Москва, Россия
rudolfpikhoia@rambler.ru

Rudolf Pikhoya,
Professor, Leading Researcher
of Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
rudolfpikhoia@rambler.ru